

ОСОБЕННОСТИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЭТНОКОНТАКТНЫХ ЗОН

И. А. Иванов

Псковский государственный университет, Псков, Россия

E-mail: ii60@bk.ru

Аннотация. Развитие концепции этноконтактных зон предполагает поиск новых исследовательских подходов, включая и оригинальные картографические методики. Целью исследования является выявление различных картографических приемов, используемых в работах, где ставится задача оценки этнической неоднородности населения, включая выделение и классификацию этноконтактных зон. Чаще всего решение данной задачи в работах отечественных этногеографов связывается с расчетом индекса этнической мозаичности. Однако данный показатель обладает существенным недостатком, связанным с невозможностью с его помощью показать взаимосвязь между долей титульных и нетитульных народов. В этой связи вызывает интерес картографическая методика, разработанная для выделения и анализа динамики двухкомпонентных этноконтактных зон. Новизна данной методики заключается в отображении на картосхеме сразу двух характеристик, а именно, величины показателя этнической неоднородности и соотношения долей титульных и нетитульных народов.

Ключевые слова: индекс этнической мозаичности, картографический анализ, классификация этноконтактных зон, русские, титульные народы.

FEATURES OF MAPPING ETHNOCONTACT ZONES

I. A. Ivanov

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: ii60@bk.ru

Abstract. The development of the concept of ethnocontact zones involves the search for new research approaches, including original cartographic techniques. The aim of the study is to identify various cartographic techniques used in works where the task is to assess the ethnic heterogeneity of the population, including the identification and classification of ethno-contact zones. Most often, the solution of this problem in the works of domestic ethnogeographers is associated with the calculation of the ethnic mosaic index. However, this indicator has a significant drawback associated with the impossibility of using it to show the relationship between the proportion of titular and non-titular peoples. In this regard, the cartographic technique developed to identify and analyze the dynamics of two-component ethnocontact zones is of interest. The novelty of this technique lies in the display on the map of two characteristics at once, namely, the value of the indicator of ethnic heterogeneity and the ratio of the shares of titular and non-titular peoples.

Keywords: ethnic mosaic index, cartographic analysis, classification of ethno-contact zones, Russians, titular peoples.

Введение. Развитие концепции этноконтактных зон в отечественной этнической и культурной географии предполагает поиск новых исследовательских подходов и методик. Большую роль в этом должна сыграть разработка новых картографических методов изучения этноконтактных зон.

Целью исследования является выявление различных картографических приемов, используемых в работах, где ставится задача оценки этнической неоднородности населения, включая выделение и классификацию этноконтактных зон (ЭКЗ). Чаще всего решение данной задачи в работах отечественных этногеографов связывается с расчетом индекса этнической мозаичности (ИЭМ) [15].

Результаты исследования. В процессе исследования было выявлено несколько вариантов использования индекса этнической мозаичности в картографическом анализе, или же иных приемов картографического отображения этноконтактных зон. Данные картографические произведения разбиты на семь категорий, в той или иной степени решающих задачу выделения и классификации ЭКЗ.

1. Первую категорию составляют картограммы, интервальная шкала в которых построена по величине индекса этнической мозаичности. Но в дальнейшем карты, выделенные в эту категорию, не используются для классификации этноконтактных зон, хотя в некоторых случаях все же осуществляется типология территориальных ячеек в зависимости от величины ИЭМ. Таковыми являются, например, карты «Смешанность этнического состава Республики Саха (Якутия) по районам» [3, с. 101]; «Значение индекса этнической мозаичности по регионам Казахстана (2018 г.)» и «Значение индекса этнической мозаичности по районам Казахстана (2018 г.)» [11, с. 9–10]; «Картограмма индекса этнокультурного разнообразия жителей МСА США, 2000 г.» [4, с. 25]; «Индекс этнической мозаичности. Краснодарский край. 2010 г.» [8, с. 306]. Следует отметить, что большинство картограмм в этой категории являются черно-белыми, что несколько осложняет их визуализацию.

2. Вторую категорию образуют аналогичные картограммы, на основе которых осуществляется разделение этноконтактных зон в соответствии с величиной ИЭМ на неярко выраженные (ИЭМ от 0,2 до 0,4) и ярко выраженные (ИЭМ свыше 0,4). Опираясь на такую шкалу ИЭМ, были выделены и классифицированы этноконтактные зоны Северного Кавказа по итогам переписей населения 1926 и 2002 гг. [5, с. 166] с последующим описанием каждой ЭКЗ. По аналогичной методике были выделены ЭКЗ Республики Бурятия [13, с. 143; 14, с. 320].

3. Особое место занимают исследования, где ИЭМ используется не только для выделения и классификации этноконтактных зон, но и для определения основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства (в число которых входят и ЭКЗ) [16] или же геоэтнокультурных систем. Так, например, на основании величины ИЭМ и доли русского населения (великороссов) по переписи 1897 г. были выделены основные компоненты территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы в европейской части Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Границы основных компонентов территориальной структуры Русской этнокультурной системы (мегаядра, периферии и социокультурного поля) обозначены в виде волосяных линий разных цветов [7].

4. Также следует отметить работу, где была предпринята попытка выделения ЭКЗ без использования индекса этнической мозаичности. В ходе данного исследования была разработана «Карта зон межэтнического контакта в Пермской губернии в начале XX в.» [2, с. 694]. Первым этапом работы было составление этнической карты Пермской губернии по итогам переписи 1897 г. [2, с. 693], где каждая волость получила окраску в зависимости от преобладающего этноса. Для полиэтничных волостей была применена штриховка. На втором этапе исследования в пределах губернии было выделено три территориальных кластера межэтнического контакта. Третий этап работы включал выделение групп волостей, где был явный перевес русского населения, со смешанным населением и преимущественно нерусским населением. При этом в статье сделан вывод, что использование данной методики позволило выявить более серьезные масштабы межэтнического контакта, чем историко-статистический анализ.

5. Следующую категорию образуют этнические карты, где методом картодиаграмм отображена численность основных этнических групп в территориальных ячейках, а величина

ИЭМ в них дается качественным фоном. В качестве примеров карт в данной категории можно привести такие, как «Этническая структура населения» в «Атласе социокультурных процессов в Крыму» [1, с. 80; 10, с. 217] и «Основные показатели характеристики этнической структуры населения Республики Алтай на 2010 г.» [9, с. 262]. То есть ИЭМ на этих картах рассматривается как вспомогательная характеристика, не используемая для выделения отдельных классов ЭКЗ.

6. Существует также и опыт отображения на картах динамики ИЭМ за определенный временной интервал. Например, в работе А.Г. Манакова [6] представлены картограммы изменения индекса этнической мозаичности по регионам России за два периода — с 1959 по 1989 гг. и с 1989 по 2010 гг., а также за весь интервал между переписями населения 1959 и 2010 гг. Далее осуществлена классификация регионов страны, учитывающая одновременно динамику ИЭМ за оба обозначенных периода. Минус данной методики связан с тем, что в одной группе регионов часто оказывались сразу и собственно «русские» регионы, и национальные автономии с высокой долей титульного населения. Хотя автор разделил эти группы на подгруппы в зависимости от национального статуса регионов, но осталась неразрешенной проблема, связанная с главным недостатком ИЭМ, а именно, невозможность с помощью этого показателя показать взаимосвязь между долей титульных и нетитульных народов.

7. В работе Н.К. Терениной [12] представлены картограммы с отображением динамики индекса этнической контактности (ИЭК — аналога ИЭМ для двухкомпонентных ЭКЗ) в русско-эстонской и русско-белорусской ЭКЗ в пределах Псковского региона с 1897 по 1926 гг. и с 1927 по 1939 гг. Причем динамика данного показателя отображена одновременно с еще одной характеристикой, а именно, изменением доли рассматриваемых этносов в данные временные интервалы. Так, с помощью картографического анализа была выявлена положительная динамика русско-эстонской ЭКЗ в Восточном Причудье в период между 1897 и 1926 гг. (с ростом доли эстонцев и ИЭК), так и начальный период ее растворения с 1927 по 1939 гг. (с уменьшением доли эстонцев и ИЭК). В русско-белорусской ЭКЗ в южной части современной Псковской области в период с 1897 по 1926 гг. было можно наблюдать скоротечную смену этнической идентичности большей части белорусов (с ростом ИЭК), а в период с 1927 по 1939 гг. здесь произошло почти полное растворение русско-белорусской ЭКЗ (с резким уменьшением ИЭК) [12, с. 111–112].

Выводы. Таким образом, обзор работ, где при составлении картосхем используется индекс этнической мозаичности, или же где ставится задача картографического отображения этноконтактных зон и их динамики, привел к следующим результатам. Индекс этнической мозаичности обладает существенным недостатком, связанным с невозможностью с его помощью показать взаимосвязь между долей титульных и нетитульных народов. В связи с этим интерес вызывает картографическая методика, разработанная для выделения и анализа динамики двухкомпонентных этноконтактных зон. Новизна данной методики заключается в отображении на картосхеме сразу двух характеристик — величины показателя этнической неоднородности и соотношения долей титульных и нетитульных народов. Данный картографический прием позволяет не только визуально проследить особенности этноконтактных зон, но облегчает задачу разработки карт, где отображены основные компоненты этнического пространства России и стран ближнего зарубежья. И самое важное, что данная картографическая методика, оперирующая изменением доли основных народов и показателя этнической неоднородности за определенный временной интервал, позволяет подойти к решению задачи выявления стадий развития этноконтактных зон.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Литература

1. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швеца, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 196 с.
2. Бахарев Д.С. Этнический ландшафт Пермской губернии в начале XX в.: картография контактных зон // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 4. С. 688–698.
3. Дегтева Ж.Ф. Пространственная организация и динамика этнической структуры Якутии // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 99–105.
4. Кельман Ю.Ф. Географический анализ этнокультурного разнообразия населения США // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 5. С. 22–29.
5. Лысенко А.В., Водопьянова Д.С., Азанов Д.С. Этноконтактные зоны Северного Кавказа // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 3. С. 165–170.
6. Манаков А.Г. Пространственные закономерности в трансформации этнической структуры населения России в период между переписями 1959 и 2010 гг. // География и природные ресурсы. 2019. № 2. С. 13–21.
7. Манаков А.Г. Территориальная структура этнокультурного пространства Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2019. № 1 (37). С. 84–98.
8. Пелина А.Н. Геоинформационное картографирование этнической структуры населения по данным ВПН 2010 г.: Краснодарский край // Географические исследования Краснодарского края / под ред. А.В. Погорелова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. С. 302–309.
9. Рыгалов Е.В., Пронина Е.В. Картографический анализ этнической структуры населения республики Алтай // Геополитика и экодинамика регионов. 2020. Том 6 (16). Вып. 3. С. 260–267.
10. Сикач К.Ю., Швеца А.Б. Картографирование этнического пространства Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). № 3. С. 211–222.
11. Тенчиков А. А. Казахстан: индекс этнической мозаичности // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 43–4. С. 8–10.
12. Теренина Н.К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116.
13. Шитиков Ф.В. Географические особенности этноконфессиональной ситуации на территории Республики Бурятия // Изв. Ирк. ун-та. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 11. С. 141–148.
14. Шитиков Ф.В., Иванова О.А. Особенности социокультурной дифференциации территории Республики Бурятия // Вестник Алтйской науки. Сер. Науки о Земле. 2015. № 2. С. 318–326.
15. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.
16. Этнокультурная трансформация постсоветского пространства: факторы, тренды, перспективы / Н.В. Данилкина, И.В. Ермолин, И.А. Иванов, Р.Н. Кроток, А.Г. Манаков, А.С. Соколов, П.Э. Суворков, Н.К. Теренина, А.Г. Хохрин. Псков: Псковский государственный университет, 2022. 344 с.

Сведения об авторе:

Иванов Иван Андреевич — младший научный сотрудник молодёжной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.